

Жеребцов С.Н. Переживания и их концептуализация в эпоху Античности

English version: [Zherebtsov S.N. Feelings and their conceptualization in antiquity](#)

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Белоруссия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Обосновывается необходимость исторического анализа в раскрытии сущности и феноменологии переживаний. Проанализированы взгляды на переживания мыслителей Античности, их динамика и использование в современной психологии. Специфика античных представлений о переживаниях прослежена в зависимости от своеобразия самих переживаний той поры. Подчеркивается, что внутренняя сложность личности, ее переживания обусловлены сложностью социальных отношений и культуры.

Ключевые слова: переживание, культурно-исторический анализ, культура Античности, социально-психологическая детерминация

Осознавая, что человек разных эпох сохраняет родовые качества, мы должны отметить, что высшие проявления психики, включая переживания, просто обречены быть историчными. История человеческих способов бытия не должна быть маргинальной для психологии областью. Л.С.Выготский не раз отмечал, что понимание психических функций без знания их истории невозможно, а Г.Г.Шпет подчеркивал, что «только в истории человек узнает самого себя» [Шпет, 1996, с. 145]. Переживания основаны на значениях и смыслах человеческой жизнедеятельности. Этим фиксируется опосредованный характер переживаний при всей их непосредственной феноменологической данности восприятию субъекта. Различные социальные миры, различные культуры конституируют различные системы переживаний. То есть переживания не могут быть объяснены ими самими, для их глубокого понимания необходим очень широкий контекст – далеко выходящий в пространственном, временном и смысловом отношении за пределы индивидуальной психики.

По Ю.М.Лотману «мир идей неотделим от мира людей, а идеи – от каждодневной реальности» (цит. по: [Коул, 1997, с. 11]). Именно поэтому история изучения переживаний раскрывается нам не только в текстологическом анализе первоисточников. Важно не только то, что говорит тот или иной автор, но и то, какие задачи стоят перед ним, какая конкретно-историческая, социокультурная ситуация обуславливает его убеждения. Нам могут быть хорошо известны взгляды, концепции тех или иных ученых, но в гораздо меньшей степени, подчиняясь фундаментальной ошибке атрибуции, мы осознаем социокультурные и даже социально-психологические факторы, особенности их жизни и мировосприятия – подлинные причины их научных убеждений.

Историческое исследование переживаний как интерпретация

В изучении переживаний мы имеем дело с невоспроизводимыми явлениями (переживания неотчуждаемы, их от человека к человеку непосредственно передать невозможно). Но за этими явлениями стоят определенные смыслы. Исследование переживаний поэтому строится на

интерпретациях фактов и явлений. Познание выступает как процесс творения смыслов, как попытка пере-представить события, сделать их снова значимыми. В таком познании явления получают смысл в рамках используемой концепции или нескольких связанных концепций. Эти концепции, как правило, отражают тенденции развития культуры, поэтому их и нужно рассматривать в историческом аспекте.

Экспликация исторически заданного материала переживаний осуществляется с позиций современных типов рациональности. Постнеклассический (В.С.Степин) тип рациональности акцентирует роль человека в получении знания (человекоразмерность), учитывает социокультурные цели и ценности. Изучаемые феномены рассматриваются в их сложности и историчности. Знание конструктивно, оно продуцируется, строится человеком, погруженным в определенную смысловую систему. «Мир дополняется и насыщается новыми гештальтами, которые актуализируются в конкретных ситуациях (контекстах опыта), становясь найденной и в то же время созданной реальностью» [Москалев, 2002, с. 7].

Признавая, что психология как наука обусловлена культурой, мы тем самым подчеркиваем конструктивный, постнеклассический характер своего теоретизирования. В попытке установить диалог, как призывал С.С.Аверинцев, между двумя понятийными системами (прошлой и современной), культурно-исторический анализ должен отслеживать трансформацию не только теоретических представлений о переживаниях, но и самих переживаний. При этом важно понимать, что ни динамика переживаний, ни динамика представлений о них не является однолинейным процессом. И даже определение общих моментов должно осуществляться с учетом контекста, а те или иные идеи необходимо оценивать с помощью адекватных им критериев, экологично по отношению к породившей их системе. Необходимо использовать культурно-историческую эмпатию, находить способы культурно-психологического понимания различных жизненных миров.

В этой связи представляется эвристичным применение культурно-исторического исследования в интеграции с психоисторическим подходом, использующим свою методологию [ДеМоз, 2000], которая пытается изучить переживания при помощи уникального сочетания исторических документов, опыта психологического консультирования и психотерапии, а также собственного опыта переживаний исследователя. Данная интеграция позволяет осуществить культурно-историческую реконструкцию переживаний, осознать их социально-психологическую природу и онтологию.

История философского и психологического осмысления переживаний – огромный пласт человеческой культуры с потрясающим разнообразием интерпретаций своего предмета. Это разнообразие почти не поддается систематизации – до такой степени различны те значения, которые вкладываются в понятие «переживание». Проблема усложняется существованием других понятий, в большей или в меньшей степени использующих пространство значения и смысла, которое можно отнести переживанию. Данный исторический экскурс не претендует «объять необъятное». В нем выбор и систематизация материала осуществлялись на основе следующих идей: обусловленность переживаний и представлений о них конкретно-историческими, социокультурными условиями; единство непосредственности и социально-психологической опосредованности переживаний; позиционирование представлений о переживаниях как моделирующих интерпретаций; способность теорий переживания быть эвристической моделью, то есть оказывать содействие в решении психологических затруднений, быть основой для структурирования внутреннего мира, понимания других людей, развития личности. Последняя идея отражает тот «империализм» конструктивного принципа (выражение Ю.Н.Тынянова), который делает определенную конфигурацию переживаний доминирующей в конкретной культуре за счет ее жизнеутверждающего потенциала. Однако в сложных, противоречивых социально-психологических условиях каждая такая конфигурация переживаний обладает как функциональным, так и дисфункциональным потенциалом, что объясняет ее сменяемость на историческом пути.

От Протагора – к Сократу

Античная философия, ставшая основой западных представлений о человеке, полагает его в качестве самостоятельной сущности, обладающей ценностью и выступающей актуальным предметом философского анализа. По Протагору (5 в. до н.э.), человек от природы наг, разут и безоружен. Он

может поддержать себя благодаря прометеевскому огню, мудрости, которую даровала Афина, благодаря общественному устройству, которое обеспечено Зевсом и основанному на стыдливости, справедливости. Эти чувства человека развиваются благодаря стремлению преодолеть нужду (Ксенофан) и достичь изобилия (Демокрит). Одна из первых попыток обсудить вопрос о соотношении социального и биологического в человеке представлена Гиппократом. Приводя в качестве примера образ жизни некоторых азиатских народов в книге «О воздухах, водах и местностях» [Гиппократ, 2005], он доказывал, что обычай, то есть человеческое установление, отношение может изменить характеристики организма.

Пытаясь понять окружающий мир, античные философы полагали наиболее значимым самопонимание, что дало возможность, говоря словами А.Ф.Лосева, «развернуть свое внутреннее самочувствие, углубиться в свою собственную личность и сделать для себя второстепенными все вопросы объективного миропорядка» [Лосев, 1979, с. 12]. Данное стремление отражено во взглядах софистов, эпикурейцев, но особо в этом отношении выделяется фигура Сократа. Переживание значимости собственной личности Сократом связывалось со способностью мыслить: из-за незнания человек принимает за благо то, что таковым не является, поэтому добродетель есть мудрость. Для Сократа важнейшим становится отношение человека к себе как носителю интеллектуальных и нравственных качеств. Сократическая философия уже предлагает и определенный способ познания самого себя. Это – внутренний диалог, который есть одновременно и форма реализации, форма бытия переживаний. В своих диалогах Сократ делает акцент на точности высказываний и формулировки понятий, которые ведут к истине и к самопониманию. В этом видится прообраз идеи Выготского о том, что понятийное мышление перестраивает внутренний мир личности «сверху».

Платон: четыре идеи об устройстве внутреннего мира

В древнегреческой философии в числе серьезных исследователей души был, несомненно, Платон – ученик Сократа. Сократ был чрезвычайно значимой, персонифицированной фигурой для Платона. А.Ф.Лосев указывает, что «встретив Сократа, Платон пережил глубочайшую духовную революцию» [Лосев, 2009]. По отношению к психологии внутреннего мира выделяют [Иванов, 2007] четыре его открытия, которые актуальны и по сей день.

Во-первых, именно Платон первым из европейских философов указал на трехкомпонентное строение человеческой души (чувственность, воля, интеллект) – это разделение с небольшими модификациями широко используется и в современной психологии. То есть психологическое стало пониматься как разнородное, противоречивое, конфликтное образование, что и явлено в различных, зачастую взаимоисключающих эмоциях, а устранение противоречия, снятие негативных эмоций возможно с помощью разума. Нарушение гармонии приводит к страданию, ее восстановление – к удовольствию. При описании диалектики переживаний Платон формулирует закономерность, которую гораздо позднее В.Вундт назвал законом психических контрастов: «удовольствия кажутся большими и более сильными по сравнению с печалью, а печали по сравнению с удовольствиями усиливаются в противоположном смысле» [Платон, 1970, т. 3, с. 53]. Платон ясно осознавал (вполне в духе Фрейда) и то, что борьба между различными частями души обнаруживается в сновидениях человека, раскрывая за внешностью вполне умеренного на вид человека «какой-то страшный, незаконный и дикий вид желаний» [Там же, с. 391].

Во-вторых, Платон был первооткрывателем сверхчувственной (смысловой) составляющей душевных явлений. Платоновская «идея» – это, по сути, и есть сверхчувственный смысл, присутствующий в составе «непосредственно данного», «переживаемого» субъектом.

В-третьих, Платон, вслед за Сократом, подчеркнул надындивидуальный статус человеческой мысли. Это свойство души и послужило основой учения о «мире идей» – надындивидуальной умопостигаемой реальности, через причастность к которой становятся возможными и индивидуальное мышление, и смыслы, и переживания: «В государстве и в душе каждого отдельного человека имеются одни и те же начала, и число их одинаково» [Платон, 2006, с. 15]. Социальная

природа мышления и высших проявлений души обнаруживается у Платона и в механизме их функционирования: состояние души на уровне мышления – это не пассивная рецепция, свойственная ощущениям, а внутренняя работа, носящая характер беседы души с самой собой.

Наконец, в-четвертых, Платон указал на сверхвременной статус «мира идей» («идеи» пребывают «в Вечности») – тем самым постулируя наличие в душе сверхвременной составляющей. Такой подход к пониманию природы идей говорит нам, что и характеристики общества, и характеристики культуры, и свойства людей представляют собой лишь эманацию космологического абсолюта.

Уже в эпоху Возрождения идеи Платона получают «второе рождение» и станут основополагающими в Новое время для формирования естественнонаучной парадигмы научного мышления, пытающегося зафиксировать абсолютность, универсальность истины. Кстати и иная, культурно-историческая, как мы бы сейчас сказали, парадигма, также артикулированная в Новое время, восходит к древнегреческому периоду. Речь идет о позиции Геродота (см: [Коул, 1997, с. 33]), заключающейся в том, что для изучения правды о прошедших событиях необходимо понять образ жизни людей, организующий их мышление, которое, в свою очередь, влияет на их представления о прошлом.

Аристотель: необходимость и целостность переживаний

Целостное понимание души и, следовательно, встроенность различных чувствований в общую систему психического отстаивал Аристотель. Переживаниям, разнообразным чувствам он придавал большое значение. Даже аффекты имеют ценность: без них невозможны героические поступки, наслаждение искусством. «Удовольствие, – пишет он, – придает совершенство и полноту деятельности, а значит – и самой жизни» [Аристотель, 1975, т. 4, с. 275]. Аристотелю принадлежит заслуга разработки популярного в современной психологии, психотерапии понятия о катарсисе. Оно было заимствовано у Гиппократов, который полагал, что выздоровление – это очищение (катарсис) организма от вредных соков. Но Аристотель наполняет данное понятие психологическим содержанием, трактует катарсис как эмоционально окрашенное эстетическое переживание под влиянием искусства, когда происходит «очищение аффектов» от всего тяжелого, смутного, давящего, и, что очень важно, человеку становится более понятной логика событий [Там же, с. 651]. То есть человеку не просто становится легче, катарсис помогает изменить отношение к предмету переживания. Не будет ошибкой считать Аристотеля одним из предшественников арт-терапии, других видов психотерапии, в которых сопереживание, эмоциональное отреагирование, «очищение» и последующее осознание своей жизненной ситуации является стратегической линией работы.

Аристотель отвергал предлагаемые до него (в том числе и Платоном) мнения о делимости души на части. Душа полагалась Аристотелем как принцип жизни и развития, а не вещь. Он подчеркивал двойную детерминацию душевных состояний (со стороны социума и со стороны физиологии) и говорил о необходимости их изучения и диалектиком, и естествоиспытателем. Так, «диалектик определил бы гнев как стремление отомстить за оскорбление или что-нибудь в этом роде, рассуждающий же о природе – как кипение крови или жара около сердца» [Аристотель, 1975, т. 1, с. 374]. Как видим, Аристотель вполне определенно обозначает актуальные и для современной психологии субъективности проблемы: целостность психической жизни, ее связь с деятельностью, необходимость генетического подхода к исследованию ее развития и комплексного подхода к описанию ее феноменов.

Очень эвристичным, как показало время, явилось различие Аристотелем практики и поэзии, а конкретнее, классификация действий человека на имеющие какое-либо внешнее воплощение, например гончарное дело, и на не имеющие опредмеченного результата, например чтение книг. Принципиальным для психологии переживания здесь является то, что практически сориентированные действия (транзитивные действия) позволяют субъекту осознавать и понимать себя царящим над миром природы и истории, а в нетранзитивном действии (в «поэзии») субъект осознает себя в качестве распорядителя собственным бытием, он осознает возможность влиять на свой внутренний мир, пусть не всегда понимая необходимость этого, но всегда испытывая стремление

к подобному влиянию. «Иначе говоря, – поясняет П.Шульц, – человек в своем жизненном осуществлении, по мнению Аристотеля, являет собой яркий пример нетранзитивного типа действия, так как он обращается не столько к реализации отдельных целей во внешнем мире, сколько к собственному бытию, которое и становится целью человеческого внимания» [Шульц, 2009]. Переживание себя действующим, совершенствующимся, саморегулирующимся и не сводимым к внешним результатам своей деятельности, то есть переживание себя в качестве самоценной сущности – таковы феномены внутренней жизни, по-своему обозначенные Аристотелем и являющиеся актуальными проблемами современной психологии.

Важную идею для понимания основ переживания выдвигает Аристотель, когда говорит, что ощущение какого-либо предмета возникает только при движении органа чувств по этому предмету (или наоборот – при движении предмета по органу чувств). Уже гораздо позднее Спиноза пояснял данную мысль, отмечая, что сущность круга дана (и одновременно постигается) актом его вычерчивания. Здесь просматриваются мотивы современного представления о возникновении понятия формы (и других свойств) предмета через манипуляции с ним, а также представления об идеомоторных актах, которые отражают механизм многих психических функций и переживаний, когда они рассматриваются как свернутые во внутренний план действия, и, наоборот, психические функции и переживания сопровождаются соответствующими произвольными движениями.

Демокрит: переживания как регулятор поведения

Философам Античности была известна проблема зависимости переживаний от интерпретаций и рациональных установок (если формулировать в современных терминах). «[Лишь] в общем мнении, – утверждает Демокрит, – существует сладкое, в мнении – горькое, в мнении – теплое, в мнении – холодное, в мнении – цвет, в действительности же [существуют только] атомы и пустота» [Цит. по: Ярошевский, 1976, с. 64]. Можно полагать, что мнение здесь выступает таким способом отношения к действительности, который формируется на основе чувственного восприятия с привлечением рациональных оценок. Впрочем, рациональные оценки могут не просто играть служебную роль в возникновении ощущений и простейших переживаний, но и становиться определяющими. В рассуждениях Демокрита можно локализовать истоки масштабного современного движения по изучению установок, аттитюдов, ценностей, других диспозиций и когнитивных схем, определяющих переживания.

Описывая переживания в терминах «удовольствие» и «страдание», Демокрит говорит об их назначении, придает им регулятивную функцию: «Удовольствие... есть состояние, соответствующее природе живого организма, а страдание – состояние, чуждое этой природе. Удовольствие и страдание служат критериями решений, относительно того, к чему следует стремиться и чего избегать» [Материалисты ... , 1955, с. 85].

Эпикурейство и стоицизм – две концепции управления переживаниями

Важные в отношении психологии переживаний идеи возникли и получили развитие в эллинистическую эпоху (эпоху непрямого рабовладения), когда, по выражению Плутарха, «произошло смешение языков и обычаев» народов Востока и Запада, предопределив тем самым зарождение христианства. В эту эпоху самыми влиятельными концепциями человека становятся эпикурейство и стоицизм.

Несмотря на то что в новой державе греку жилось удобней и сытней, чем в скудости греческого полиса, материальное довольство имело оборотной стороной такие душевные тревоги и переживания, которых ранее не было. Предсказуемая жизнь в небольшом городе-государстве, где все общественные отношения налажены, а события в личной жизни очевидны для самого себя и других, сменилась для

человека ситуацией непредсказуемости. Усложнение социальной жизни, дифференциация деятельности приводили к усложнению и дифференциации душевного мира человека. Именно поэтому, как отмечает М.Г.Ярошевский, «потребность в рациональном обосновании программы поведения, дающей возможность справиться с тревогами, отрицательными эмоциями, страхом и различными, как бы мы сейчас сказали, “стрессовыми состояниями”, была очень острой» [Ярошевский, 1976, с. 75].

В переживаниях, в устранении негативных эмоций и эпикурейцы, и стоики центральную роль отводили рациональному началу: настоящий мудрец тот, кто может отрешиться от всех беспокойств внешнего мира, достичь «атараксии» (безмятежности). Но уже Сократ говорил, что человек не достигает счастья, потому что *не знает*, в чем оно состоит. И Платон оставлял верховенство за разумом. Аристотель также учил, что важно переживать адекватно ситуации: каждой ситуации соответствует определенный правильный аффект. Таким образом, философы классической Греции наряду с признанием разума как приоритетного компонента полагали его пусть и значимым, но только элементом системы переживаний, а эмоции, страсти, влечения оценивались как необходимые для полноценной психической жизни. Эллинистическая же эпоха со своими переменами, тревогами иначе видит роль переживаний. Эпикурейцы признают только положительные эмоциональные состояния (их поэтому относят к умеренным гедонистам), стоики же считают необходимым избавляться от всех эмоций, так как они препятствуют правильному мышлению. Человек может сделать что-то значительное, если освободится от эмоциональных проявлений, как положительных, так и отрицательных. Страдание и удовольствие – ложные суждения о настоящем; надежда, желание и страх – ложные суждения о будущем.

Стоики определяли аффекты как чрезмерные неразумные и неестественные движения души, связанные с неправильными представлениями о вещах. Они различали 26 видов аффектов и три стадии нарастания аффективного состояния: 1) под влиянием внешних воздействий наступают физиологические изменения; 2) непроизвольно возникает мнение о том, что произошло и как нужно реагировать; 3) разумное суждение о ситуации (если человек решает это сделать). На третьей стадии возможны два случая: а) разум не дает влечению сделаться аффектом; б) если же разум слаб или отягчен предрассудками, он увлекается к неправильному суждению и возникает аффект. Когда аффект все же овладел человеком, стоики предлагают способы его устранения: не преувеличивать аффект воображением и внешним выражением; задержать нарастание аффекта, например досчитав до 10; отвлечься на размышления другого рода: представлять примеры мужества, выдержки, спокойствия; разоблачить действия, на которые толкает аффект, и др. Примечательно, что данные идеи стоиков имеют современное звучание в когнитивной терапии эмоциональных расстройств А.Бека, а также в рационально-эмотивной терапии А.Эллиса. При этом не только смысл теории, но и терминология, и логика рассуждений, и отдельные способы устранения негативных эмоций даже через две с лишним тысячи лет во многом сохранены.

Эпикур не соглашался с тем, что нравственным является только поведение, основанное на разуме. Он полагал, что не разум, а чувства управляют поведением человека. За чувствами стоят желания, которые приводят к удовольствию, чувства позволяют избегать взаимодействия с теми объектами, которые вызывают неудовольствие. Сила собственных переживаний, удивление этой силой порождает у человека стремление к самопознанию. Именно переживания выступают подлинными познавательными реалиями, а не идеи Платона, или формы Аристотеля. То есть Эпикур указывает на важную функцию переживаний – поисково-регулятивную, а также признает, что переживания – ключевой феномен человеческого способа бытия.

Переживания в социокультурной ситуации Античности

Изучение представлений о переживаниях в ту или иную эпоху должно опираться на гипотетическое своеобразие самих переживаний людей конкретной эпохи. Переживания в Древней Греции, особенно у истоков становления ее культуры, во многом строились на основе мифа. Конструирование мифа, как и его «прочтение», было слито в целостность, хотя каждый миф имел различные характеристики: в

нем преобладает то одушевление, то «судьба», то целесообразность, то случайность, то материальность, то идеальность [Лосев, 1979]. Отнесенность мировоззрения древнего грека к мифологии конституирует своеобразие его переживаний. Они характеризуются слабой дифференцированностью, слиты с телесностью (тело возведено в абсолют), материально-чувственны и имеют процессуальность, соответствующую сюжету мифа. Анализ мифов той поры [Кун, 2000] позволяет зафиксировать слабую субъектность, низкую интернальность переживаний: поступки, подвиги человек совершает по велению божественных сил, то есть правильнее говорить, что не он их совершает, а они случаются с ним. Человек даже желает того, чего от него требуют боги. Показательно в этом отношении то, что вплоть до Эпиктета древнегреческий язык не имеет эквивалента современных понятий «воля» или «личность», характеризующих человека как индивидуального и целостного субъекта деятельности. Хотя понятие «личность» как философско-психологический концепт получит свое обоснование даже не в работах Эпиктета, а намного позднее – в трудах Фомы Аквинского.

Но есть в эту эпоху огромное прогрессивное развитие «человеческого в человеке»: развитие рабовладельческого общества, сменившее общинное, отмечено переходом личности от почти инстинктивного подчинения роду к рационально определяемой свободе (конечно, речь идет не о рабах, а о свободных гражданах). Возникшая меновая стоимость, когда излишки произведенного можно было реализовать, вызвала к необходимости отношения, выходящие за пределы своего рода или общины. Расширяющаяся сеть таких отношений, в которых было множество противоречий, требовала большей субъективной напряженности, стимулировала развитие самосознания, повышение интереса к собственному Я, расширение и усложнение мира переживаний. Встречная активность других людей становилась условием собственной внутренней активности, человек все чаще оказывался перед внутренним выбором. Множественность отношений (полигрупповая принадлежность), внутренняя сложность (полиролевая структура личности), необходимость выбора, идентификация другого и самоидентификация – все это не просто параллельные или чередующиеся психологические явления и процессы, но существующие в целостных актах переживания. «Мы и Они – тени друг друга», – резонно замечает Р.Д.Лэйнг [Лэйнг, 2005, с. 99].

Множественность социальных и нравственных норм, нарастающее социальное разнообразие, далеко выходящее за пределы кровно-родственных отношений, способствовало индивидуализации переживаний. Социальное разнообразие и индивидуализация сопряжены с появившейся конкуренцией, и потому классическому греку уже знакомо чувство одиночества, его переживания стали гораздо тоньше, вызывая потребность разделить их с кем-то другим, найти душу, родственную собственной.

Итак, специфика социально-экономических условий порождает специфические социально-психологические факторы, которые, преломляясь через уникальность внутреннего мира человека, выстраивают основания его идентичности и комплекса переживаний по поводу своего места в этой системе. Генезис внутренней сложности можно представить в виде диалектического движения по уровням общественного бытия: «социально-экономический – социально-психологический – личностный – внутриличностный». Усложнение социума и культуры порождает новые, более сложные чувства. К примеру, из примитивного, инстинктивного, недифференцированного чувства страха выделяются стыд и вина [Бенедикт, 2004]. Стыд – исключительно культурное образование, гораздо более сложное, чем страх. Платон характеризует определенные переживания, соответствующие стыду, но еще не называет их стыдом, а только как вид страха – страха худой молвы. Аристотель о стыде говорит как о таком переживании, в котором отражен страх бесчестья [Поршнева, 1979].

Переживание стыда означает, что индивид способен соблюдать групповые нормы, склонен учитывать мнения и чувства других. Но стыдиться можно только «своих», поэтому стыд называют механизмом общинно-групповым [Кон, 2009]. Стыд – это способность человека со стороны увидеть себя в одной ситуации одновременно со «значимыми другими», которые видят в человеке какую-либо непристойность. Такая способность обусловлена известным уровнем рефлексии. В стыде присутствует и нравственное начало, которое нарастает с формированием исторически более позднего переживания – вины.

Вина определяется как стыд перед самим собой. Вина может быть у рефлексивного и совестливого

человека, когда в круг «значимых других» он включает и себя самого. От страха к стыду и от него к вине – такова линия развития способности человека оценивать себя с точки зрения социума. Данная способность возникает в относительно сложном социуме как необходимый регулятор поведения. Сложность отношений создает ситуации выбора, а где выбор – там и рефлексивное переживание. Видеть себя глазами других человек стремится потому, что пытается быть эффективным деятелем в социуме. Делая «по совести», личность не только избавляется от страха, стыда и вины, но и добивается почта и уважения, гарантирующих переживание надежности и уверенности в своем бытии. Интериоризация сложных, противоречивых социальных отношений дает начало внутренней сложности, рефлексивности и порождает богатство чувств.

Генезис сложных переживаний (опираясь на пример стыда и вины) можно представить как социально обусловленное, но укорененное в сознании индивида единство двух аспектов: интеллектуального и нравственного развития. Кроме того, в дифференциации стыда и вины отражено историческое становление различных уровней этического поведения и этических категорий – морали и нравственности. Мораль как система частных, исторически конкретных норм на уровне внутриличностной регуляции сопряжена со стыдом («Так поступаю, потому что боюсь осуждения других»). Нравственность как ориентация на самостоятельно принятые, безусловные для субъекта ценности и принципы невозможна без такой формы переживания, как вина («Так поступаю, потому что не могу иначе»). Межличностные и групповые нормы (мораль) перерастают с развитием культуры в самоконтроль и саморегуляцию личности (нравственность), то есть социальное обретает внутриличностное бытие, порождая тем самым возможности личностных переживаний.

Заключение

Итак, в античную эпоху на основе интуитивных исканий, философских рассуждений, успехов в познании физического мира и под влиянием социальных изменений обретоно понимание, что душа с ее многообразными переживаниями не может быть объяснена из нее самой (мыслители Древнего Востока, Сократ, Платон и др.), что душевная деятельность зависима от форм, которые создаются человеческой культурой, а не природой (Платон), что душа является принципом жизни и развития, а не вещью, что различные душевные переживания обусловлены различными видами деятельности, а также тем, что именно переживается, то есть объектом переживания (Аристотель, Теофраст). Кроме того, переживания пробуждаются внутренним диалогом (Сократ), они зависимы от рациональных объяснений окружающих явлений (Демокрит), и поэтому управлять переживаниями лучше всего при помощи разума (Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики). Стоики особо подробно описали виды аффектов, этапы их проявления и трактовали аффективные переживания как результат неразумного мышления, что имело негативную этическую оценку. Но чаще античные мыслители отмечали ценность переживаний и их необходимость для качественной психологической жизни. Таким образом, в период Античности закладываются основы теоретического осмысления переживаний человека, а сам человек признается в качестве меры всех вещей.

Культура и переживания через коммуникацию, через социально-психологические механизмы создают друг друга. *Переживания – это процесс формирования отношения к своему бытию на основе заимствованных у культуры и в культуру же возвращенных, активностью субъекта преобразованных знаково-символических форм и ценностей.* Личностные переживания – результат и источник соактивности людей, социально-психологической активности, выстраиваемой на основе культурных медиаторов. Поэтому изучение истории формирования и развития представлений о переживаниях, изучение истории становления самих переживаний выступает не просто историческим экскурсом в проблему, традиционно предвещающим основное исследование, но и самим исследованием переживаний как глубоко личностной и одновременно социально-психологической реальности, зарождающейся, становящейся и развивающейся в культурно-исторической среде.

Литература

Аристотель. [Aristotle] Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1975.

Бенедикт Р. [Benedict R.] Хризантема и меч: модели японской культуры: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.

Гиппократ. [Hippocrates] О воздухах, водах и местностях // Хрестоматия по истории науки и техники. М.: РГГУ, 2005.

ДеМоз Л. [deMause L.] Психоистория: пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.

Иванов Е.М. Онтология субъективного. Саратов: Наука, 2007.

Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание [Электронный ресурс] // Психологическая библиотека Киевского фонда содействия развитию психической культуры. URL: <http://psylib.org.ua/books/konis01/index.html> (дата обращения: 25.11.2010).

Коул М. [Cole M.] Культурно-историческая психология: наука будущего: пер. с англ. М.: Когито-Центр: ИП РАН, 1997.

Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Летопись, 2000.

Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона [Электронный ресурс] // Психологическая библиотека Киевского фонда содействия развитию психической культуры. URL: <http://psylib.org.ua/books/losew06/index.html> (дата обращения: 13.06.2009).

Лосев А.Ф. История античной эстетики: ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979.

Лэйнг Р.Д. [Laing R.D.] Феноменология переживания; Райская птичка; О важном: пер. с англ. Львов: Инициатива, 2005.

Материалисты Древней Греции / под ред. М.А.Дынника. М.: Госполитиздат, 1955.

Москалев И.Е. Концепция автопознания в современном научном познании: дис. ... канд. филос. наук. М., 2002.

Платон. [Plato] Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1970.

Платон. [Plato] Три начала человеческой души // Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер, М.Ф.Фаликман. М.: ЧеРо, 2006. С. 12–24.

Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.

Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб.: Алетейя, 1996.

Шульц П. [Shulz P.] Философская антропология [Электронный ресурс] // Психологическая библиотека Киевского фонда содействия развитию психической культуры. URL: <http://psylib.org.ua/books/shults01/> (дата обращения: 18.11.2009).

Ярошевский М.Г. История психологии. 2-е перераб. изд. М.: Мысль, 1976.

Поступила в редакцию 14 декабря 2010 г. Дата публикации: 21 февраля 2011 г.

[Сведения об авторе](#)

Жеребцов Сергей Никифорович. Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии, факультет психологии и педагогики, Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, ул. Советская, д. 102, 246019 Гомель, Белоруссия.
E-mail: zsn1971@tut.by

[Ссылка для цитирования](#)

Жеребцов С.Н. Переживания и их концептуализация в эпоху Античности [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 1(15). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421100116/0006.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в Реестре электронных научных изданий ФГУП НТЦ "Информрегистр". Элементы библиографического описания соответствуют ГОСТ Р 7.0.5-2008. Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)